

Музеи бывшей финской Карелии и моральная переоценка прошлого: чье наследие?

Мое сообщение опирается на опыт знакомства с музеями приграничья, а сам этот опыт складывается из нескольких составляющих.

С начала 2000-х годов я провожу исследования на территории бывшей финской Карелии, которые начались с российско-финского проекта под руководством проф. Антти Лайне и проф. Пекки Хакамиеса, работавших тогда в Университете Йюенсуу. По окончании этого проекта я уже самостоятельно работала в Питкяранском, Сортавальском, Лахенпохском и Суоярвском районах Карелии, пытаюсь понять, как складывается и на что опирается память местных жителей этого региона о себе и тех местах, где они живут. Все эти люди – переселенцы первого, второго или теперь уже даже третьего поколения. Все они оказались на территории, перешедшей от Финляндии к Советскому Союзу в 1940-х годах. Меня интересуют как личные воспоминания, так и коллективная память, а главный вопрос связан с тем, как эти люди понимают свое собственное место в истории края, где когда-то жили совсем другие люди. Это исследование тесно связано с изучением того, что израильская исследовательница Яэль Наваро-Яшин, изучавшая жизнь турков-киприотов Северного Кипра, назвала «make-believe space» [1] – пространства, одновременно воображаемого и создаваемого, наполненного аффективным переживанием прошлого тех, кто вынужден был когда-то покинуть эти места, но продолжает незримо присутствовать в жизни нынешних жителей края. Марианна Хирш, благодаря которой мы пользуемся термином «постпамять», тоже написала книгу о таком воображаемом и в то же время вполне реальном пространстве – о Черновцах, где живут не только обычные люди, но и «духи» ушедшего прошлого, те, кто вынужден был покинуть город много лет назад [2]. В своих исследованиях я тоже пытаюсь понять, как люди обживают и делают «своей» территорию, которую не только они считают своей родиной.

Исследуя особенности коллективной и локальной памяти меня всегда интересовали институты памяти – общества и музеи, группы поисковиков, школы, трансграничные инициативы и проекты. Так я познакомилась с музеями в Сортавала, Питкяранта, Куркиеки и музеями Карельского перешейка – «Ялкала» в п. Ильичево, Приморским краеведческим музеем, а также более новыми инициативами музеефикации приграничного прошлого – музеем «Гора Филина» недалеко от Лахденпохья, музеем «Пограничная застава» в пос. Березово и др. У меня есть не только собственно посетительский опыт, но и опыт общения с создателями, сотрудниками, хранителями этих музеев. Я также общалась с организаторами не государственных музеев, появившихся в результате личного

энтузиазма отдельных местных жителей – музея в усадьбе Ларса Сонка (Куркиеки), военно-исторического музея в Сортавала, школьного музея в п. Первомайское.

Другая область моего опыта связана с исследованием связи между деятельностью различных институтов культуры и ощущением благополучия жителей России. Это большой коллективный проект, поддержанный фондом Потанина, в рамках которого на протяжении нескольких лет мы работали в разных российских городах, пытаюсь понять, чего граждане России ждут от культуры, культурных учреждений и музеев, в частности, насколько деятельность этих институтов важна для создания ощущения комфортной и благополучной среды обитания.

И, наконец, но не в последнюю очередь мой опыт связан с работой в старейшем государственном музее России, где я хотя и возглавляю научный отдел, но постоянно имею дело со сферой музейного производства, и довольно хорошо представляю себе специфику современного государственного музейного фонда и работы с ним.

Опираясь на этот опыт взаимодействия с музеями и пограничьем, я хочу предложить несколько тезисов для обсуждения на этом круглом столе.

(1) Современные музеи пограничья – не только не являются маргинальными случаями на карте современных музеев, но безусловно отражают принципиальную особенность политических и социальных процессов второй половины 20 века, связанных с повсеместными изменениями политических границ, масштабными миграциями и сменой населения во многих регионах мира. Несмотря на то, что в каждом из этих регионов есть своя собственная и всегда крайне драматичная локальная история, эти истории объединяет много общего – вынужденное переселение, реинтерпретация прошлого, постпамять.

(2) С начала 1990-х годов во всех областях, вошедших в состав СССР после второй мировой войны, начинается эпоха ностальгического туризма, завязываются кросс-граничные связи в области экономики и бизнеса, социальной работы и культуры. В это время неизвестная, довоенная история этих мест открывается местными краеведами и историками, становится объектом тщательного изучения и музеефикации, приобретает значение утраченного и заново обретенного наследия. Эти процессы приводят к двояким последствиям. С одной стороны, локальные музеи, ориентирующиеся в своей работе на просветительские задачи, начинают активную реорганизацию экспозиционных пространств и выставочных материалов с тем, чтобы показать и рассказать посетителям о новых страницах истории, умалчивавшихся в советских учебниках и музеях. С другой, открытие довоенной истории приводит к переоценке прошлого и его реинтерпретации в

моральных категориях: новые музейные нарративы опираются на истории тех, кто вынужден был покинуть свою родину, а нынешние насельники края оказываются либо в роли случайных временщиков, не сумевших сберечь или даже сознательно уничтожавших ценное наследие, либо в качестве людей, никак не причастных к локальной истории. Большинство приграничных музеев в последнее десятилетие прилагали значительные усилия к включению историй местных жителей в экспозиционное пространство, но противоречие, которое я попыталась сформулировать в названии моего сообщения, сохраняется. Это противоречие, как мне кажется, требует не столько изменения ракурса музейных презентаций, сколько сознательной проблематизации. Вопрос о том, кому принадлежит наследие региона, имеющего сложную историю, множество различных интерпретаций, и являющегося местом памяти социальных групп, разделенных государственной границей, остается ключевым для мемориального ландшафта всех приграничных регионов.

(3) В эпоху т.н. постпродуктивистского поворота, развитие туризма стало одним из главных, а в некоторых случаях единственным источником дохода для многих регионов. Политика территориального брендинга, взятая на вооружение местными администрациями, также демонстративно ориентирована на поддержку туризма, в том числе и через создание местных музеев, «отвечающих» за предъявление туристам местного бренда. В случае приграничья таким брендом всегда оказывается именно сложная кросс-граничная история. Появление новых музеев и популяризация местной истории открывает это пространство для новых аудиторий: сегодня музеи приграничья посещаются не только (а, может быть, и не столько) нынешние и бывшие местные жители, но и обычные путешественники, те, кто интересуется историей России или просто ищет новых впечатлений, знаний и опыта. Этот новый «вызов» для музеев, как мне кажется, является не препятствием, а возможностью для поиска новых форм разговора о том, с чем мы сталкиваемся, когда говорим о земле и прошлом, разделяемом людьми по разные стороны границы.

Список литературы:

- [1] Navaro-Yashin Y. The Make-Believe Space: Affective Geography in a Postwar Polity. 2012
- [2] Hirsch M., Spitzer, L. Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory. 2010

Museums of the Former Finnish Karelia and Moral Reordering of the Past: Whose Heritage?

The paper is grounded on my research experience at the territory of the former Finnish Karelia which was ceded by Finland to the USSR in 1940 / 1944 and other research projects related to the Museum Studies and Anthropology of Museums. In my presentation I'm focusing on several tendencies which became visible in all the border regions across Russia and which are related to the discovery of the pre-war past by the local historians and museum leaders in the 1990s, root or nostalgia tourism, reinterpretation of the past from the trans-border perspective and the politics of territorial branding evident during the last decades.

Мельникова Екатерина Александровна, к.и.н., зав. отд. восточных славян и народов европейской части России, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого, Университетская наб. д. 3, С-Петербург, (812)328-41-41, Melek@eu.spb.ru

Melnikova Ekaterina Aleksandrova, PhD (kand. diss.), head of the Department of Eastern Slavs and peoples of European Russia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences. Universirty emb. 3, St. Petersburg, Russia, +7(812)328-41-41, Melek@eu.spb.ru